
Всё поздно, всё не так... Все спутаны понятия.
Я в зеркало гляжу, но нету там лица.
И Родину успел, и друга потерять я,
И чёрной полосе не видится конца.

Ко мне не подходи – дразнить меня не стоит.
Я загасил очаг, забыл отцовский дом.
Коснись меня перстом – и волк вдали завоет...
Но, если я любим, коснись меня перстом...

Он бредет по бездорожью,
Звать его Иван-дурак.
На челе – отметка божья,
А на теле – божий знак.

Зимний ветер студит груди,
Рвёт поземка волоса.
А навстречу злые люди,
Злостью полные глаза.

- -Что напялил эти тряпки,
Даже водкой не согрет?
Надо б дать ему по шапке...
У него и шапки нет...

Что ответишь?.. Злые взгляды,
Злая щерится зима.
Только жалости не надо,
Жалость – это, как чума.

Снег метет... Собака лает.
И с небес неясный гул.
Но дурак чего-то знает,
Что-то Бог ему шепнул.

И бредет по буеракам,
Вот уже который век,
Этот самый... С божьим знаком...
С божьим знаком человек ...

Только цокот копыт, только лютые сабли кривые,
 Только голос, хрипящий:
 «Не тронь дорогого, не тронь!..»
 Красный бешеный конь – вот уже половина России,
 А вторая – такой же, но белый взбесившийся конь.

И несутся они, в пепелище страну обращая,
 Каждый – с правдой своей,
 Каждый – с храбрым своим седоком.
 И кровавой войне ни конца не видать и ни края,
 Лишь сгоревшее жито да кровь над пробитым виском...

Потому-то и плач над страной бесконечен и вечен,
 Потому-то и вдовы бредут по Руси без конца.
 -- Марья, где твой Иван?..
 -- Где-то саблюю острой посечен...
 И пониже платок, чтобы не было видно лица...

А в итоге-то что?..
 Красный конь поломал себе шею,
 Перед этим увидев, как белый растаял во мгле.
 Где скакали они, я теперь проскакать не посмею,
 Да и кони не скачут по этой иссохшей земле.

Глянешь из-под руки... Впереди только дали пустые,
 Лишь канава да ельник, что мертвенным светом залит.
 Красный конь... Белый конь...
 Каждый был половиной России...
 На дороге пустой ни следа от тяжелых копыт.

Утром шишка слетит на траву...
 И увидишь спросонок,
 Там, где бурые сосны угрюмо бредут стороной,
 На неровной полянке копытами бьет жеребенок...
 Он не белый, не красный... Он утренний... Он вороной...

БАБУШКА

Утром внуку путь далёк,
 А короче нет.
 Бабка алый уголёк
 Смотрит на просвет.

Слева – ржавые стога,
 Справа – чёрный крест.
 В липкой тине берега –
 Обойди окрест.

Всё ей видно сквозь багрец,
 Сквозь прозрачный жар –
 Где начало, где конец,
 Где коварный яр.

Смотрит бабка сквозь огонь,
 Рытвинки на лбу.
 -- Встретишь девицу – не тронь,
 Не гневи судьбу.

Где рябина на юру,
 Где разбитый мост.
 -- Эта тучка – не к добру,
 Не увидишь звёзд.

Встретишь птицу – улететь
 Хочет – пусть летит.
 Пусть висит без дела плеть
 И ружьё молчит!

Пусть не брызнет, в зле слепа,
Из ружьишка дробь.
Только б черная тропа
Не умчала в топь.

Не скачи наискосок
И очей не прячь!..
Внук отчаян... Путь далёк.
Огонёк горяч.

--Я, внучок, почти слепа,
Мусор в уголке.
Только вся твоя судьба
В этом уголке.

И пока мне сквозь него
Зрится свет в ночи,
Не случится ничего,
Ты скачи, скачи!

А доскачешь – позабудь,
Счастья не тая,
Что тебе шептала в путь
Бабушка твоя!..

Всё это было так давно –
Мечты-мечталочки...
Сидит старик... А мне смешно...
Сидит на лавочке.

Сидит... И с памятью вдвоём
Своё калякают.
Сидит... И палочка при нём,
И утварь всякая.

Что обменял, что подобрал –
Узлы да тряпочки.
Твердит про ценный драгметалл
В сгоревшей лампочке.

Твердит, что Родина сдана,
Что тяжело – с грыжею.
Твердит... А слушает одна
Дворняга рыжая.

А я шагаю из кино
К подружке Аллочке.
И доедаю эскимо –
Вон то, на палочке.

И у меня довольный вид,
Под мышкой – книжица.
И так смешно, что он сидит,
Когда всё движется...

Но годы мчат по выражу,
И – делать нечего! –
Сижу на лавочке, сижу
Напрасным вечером.

Тех, кто смеётся, не вина,
Кто мимо бегаёт...
Сижу... И слушает меня
Дворняга пегая.

КАВКАЗСКИЕ ПОЭТЫ

Магомеду Ахмедову

То в солнечном, то в мрачном переводе
Твоих поэтов слышал я, Кавказ.
Утомлены, одеты не по моде,
Они вели о Родине рассказ.

Без ложных фраз, порою длинновато,
Порою потрясающе-маня,
Их строки обжигали... И куда-то
Вдруг уносили, пришлого, меня...

Я их вдыхал... Я видел эти горы,
Я понимал гортанные слова.
Я шёл на бой... На смертный, на который
Зовёт нас совесть, а не голова.

И я кричал... Я тоже в пропасть падал,
Я умирал в бою при Ахульго,
Я был орлом, не клонувшим на падаль,
И не страшился больше ничего.

Всего лишь строки, в мужество одеты,
Мне отпускали смертные грехи...
Я вас люблю, кавказские поэты,
И, может быть, не только за стихи.

За гордое уменье непокорно
Парить среди седеющих вершин,
За чистоты целительные зёрна,
За языка не треснувший кувшин...

Перевожу... Стихи – подарок царский!
Их горький смысл стараюсь уберечь,
И вдруг вставляю слово по-аварски
В родную, Русью пахнущую, речь.

Ты – белая птица, я черная птица,
Нам вместе лишь плачется, но не летится.

Летаешь одна среди небесной печали,
А вместе мы в небе совсем не летали.

И мечется черная птица, и злится –
Ей жаждется с белою птицею взвиться

Туда, где, пронзая тяжелые тучи,
Она всё взвивается выше и круче.

Туда, где она, горделиво и немо,
Ласкает крылами запретное небо.

Им рядом нельзя появляться в просторе –
Где чёрное небо, там чёрное горе.

Пусть белая птица порхает высоко,
Не молвит ей чёрная: «Мне одиноко!..»

Лишь бьется на суше да слёзы плотает,
Но шепчет, что пусть хоть одна полетает.

Я в этот мир пришел в своё число,
Меня сюда случайно занесло.
Я не спешил сюда... Меня не звали.
Но коль явился, значит нужно жить,
Любить, страдать... И голову сложить,
И претерпеть все страсти и печали.

Я в этот мир, пусть трудно, но пришёл,
Я в этом мире женщину нашёл,
Которая меня не оттолкнула.
Я научился с нею говорить,
Любил её... Потом устал любить...
Оставлен ею средь мирского гула.

Потом другая женщина пришла,
Взяла за руку, взглядом обожгла
И от печалей многих охранила...
Но без печалей разве проживёшь?
И ложь пришла... За ней другая ложь.
А лживо жить душе совсем не мило.

Жилище есть... А дом?.. А дома нет.
С утра встаёшь доламывать хребет.
А для чего? Какая в том потреба?
Когда давно ничем не веселя,
Почти чужою сделалась земля,
И мыслится про будущее небо...

Осталось слово?.. Слово – это звук.
Оно молчит в предчувствии разлук –
Мне так казалось, Боже, так казалось...
Но голос вдруг явился наяву,
Но голос зазвучал – и я живу,
И нечто есть превыше, чем усталость...

... А потом ты уйдешь на рассвете,
Поцелуй мой унося,
За разлуки земные в ответе,
Из прощания соткана вся.

Из прощания и всепрощенья,
Из дрожания чутких ресниц,
Из того золотого мгновенья,
Где лицо твое – в тысячах лиц! –

Почему-то пришло... И запало
В сердце, сея возвышенный свет.
И я вздрогнул светло и устало,
Точно зная про этот рассвет.

Точно зная про эту минуту,
Про желанья, безумные сплошь,
И про то, что уйдешь почему-то,
На рассвете тихонько уйдёшь.

И уже умоляя светило.
Несмотря на понятное: «Нет!»,
Чтоб с рассветом слегка погодило,
Задержало в то утро рассвет...

Ты всё сказала поутру,
Ты всё сказала.
Слова порхали на ветру,
Их было мало.

Их было восемь или семь...
Паря невольню,
Они не ранили совсем,
Но было больно.

От напряжения звеня
И от печали,
Они летели сквозь меня,
В груди кричали.

И, виноватый без вины,
Всё шарил дверь я.
И что-то ныло – от спины
До подреберья.

Рука скользнула по руке –
Хоть напоследок.
И что-то меркло вдалеке
Меж чёрных веток.

И что-то вспыхивало вновь,
Маня безлико.
И было тише, чем любовь,
Но громче крика.

Ты уходила належке,
Не верил в ложь я.
И серебрилась на листке
Слезинка божья.

Скрипело старое крыльцо,
Что всё пропало.
И лишь одно твоё лицо
Не угасало.

Всё просто... Всё можно попробовать снова.
Всего лишь цепляется слово за слово.

Всего лишь цепляются звуки за звуки,
Всего лишь к рукам простираются руки.

А после, мучению равновелика,
Певучая речь возникает из крика.

И слово летит через грозы и слякоть.
И плакать не стыдно, и стыдно не плакать...

Чтоб ниточка лопнула, нужно так мало –
Быть может, ты что-то неловко сказала?

А, может быть, я понимаю не вышел,
И просто не понял тебя, не дослышал?

Неловко ответил не лучшей из строчек,
А ты не дослышала, сжавшись в комочек...

Всё сложно... Всё сложно попробовать снова –
Звонком разбудить в половине второго.

И в трубку молчать, слыша только дыханье...
Речей всех речистее это молчанье.

И света светлей... И разлучней разлуки...
И только к рукам простираются руки...

Нам велел господарь
Не жалеть на противника порох.
Да и собственной крови
Велел не жалеть нам, как встарь.
И хрипело в груди,
Пот кипел в цепенеющих порах,
И махал нам рукой,
И смеялся во след господарь.

Мы кричали и шли,
Мы утробное что-то кричали.
И в кровавую жижу
Уже превращалась роса.
Мы – живучей врага,
Мы – живучей отточенной стали...
Прикипали к шеломам
Вспотевшие враз волоса.

Эта жуткая сечь...
Скособоченных лиц пучеглазье...
Этот, насквозь пронзенный,
Роняющий кишки живот...
Не слыхав про экстаз,
Мы метались в кровавом экстазе,
Меч вонзая в убитых –
А вдруг, полежав, оживет?

Каждый тихо молил –
Не по нем чтобы ладили тризну,
Каждый страстно хотел
Кровь врага, как вино, изолгать,
Перед смертью вдыхая
Серебряный воздух Отчизны,
Чтоб вражина не смел
Тот серебряный воздух вдыхать.

Отступала дружина,
Чтоб лишние силы не тратить.
Отступая, кричали любимым своим:
«Я вернусь...»
Враг врывался и жёг,
Местных девок спеша обрюхатить.
И в колодцах топил
Осиянную светлую Русь...

И родился народ...
Из Орды и не паханных пашен,
Из вражды и проклятий,
Из тысяч смертей в недород...
Мы им-- головы с плеч,
Они женщин брюхатили наших,
Перемешаны крови ...
Но все же родился народ.

Как его разделить,
Хоть уже наплодилось умельцев,
Только ужасы помнить,
Не помня связующих вех?
Тут поди отличи
Поджигателей от погорельцев,
Коль одно пепелище,
Одно пепелище на всех...

Лампа коптит... Тень из угла...
Мамина ласка...
В гемоглобин с детства вошла
Русская сказка.

Как от нее сердцу тепло
Ночью суровой!..
Сказка... А с ней в сердце вошло
Русское слово.

Слово поёт... С ним по утрам
Встать интересней.
Включишь с утра радио... Там
Русская песня.

Чуть подпоешь... Выпьешь вина ...
Вот и не люто.
Только б не знать, как же страшна
Русская смута!

Не виноват? – Казнь без вины,
Бой до победы...
Боже ты мой, как же страшны
Русские беды!

Бой отгремит, боль отойдет...
Вновь, без опаски,
Чей-то малец на ночь прочтет
Русскую сказку...

Не умею сказать по-французски
Ни «природа», ни «блузка», ни «лес»...
У французенок яркие блузки,
Видел всяких –и в блузках, и без...

Всё блуждает в том, полудетском
Восприятьи... Что Бог триедин
Не умею сказать на немецком,
Хоть мы некогда брали Берлин.

Не умеешь... Не знаешь... Не видишь...
О, словесности водораздел!
Ни иврит мне неведом, ни идиш,
И английского не одолел.

Всё на русском... Конечно же, плохо
Помнить лишь «камарад» и «капут»!
Но, когда озверела эпоха,
Только крикни: «Ура!» ... И поймут...

Позовите меня--
Я приду... И скажу... И заплачу...
Потому что дождит...
Потому что позвали меня.
Выпивохам раздам
эту скользкую, мокрую сдачу--
Пусть содвинут стаканы,
портвейном желудки черныя.
И пойдет разговор...
Про погоду... Про деньги и женщин,
Неустроенность быта
И вечный мирской неуют...
Будет вечер пустой
мировой пустотой увенчан,
Мрачно выпьют и снова
торопко и мрачно нальют...
И, отспорив свое,
Не поверят ответному слову.
И почувствуешь--
злоба у парня вскипает в груди.
Опрокинет стакан:
“Уходи подобру-поздорову...”
Опрокинет бутылку:
“Уходи поскорей, уходи...”
Покачнется и вновь
Глухо скажет, что выпили лишку.
А всё этот... Заезжий...
Ату его, ёшкина вошь...
Скрипнет хлипкая дверь,
На крыльце приобнимешь парнишку...
И нетвердой походкой
Пойдешь вдоль оврага,
пойдешь...
А вокруг – никого...
Лишь голодный и брошенный Шарик
Подбежит на минутку,
Глазами проводит: “Иди...”
Догорает звезда...
Вдалеке остывает фонарик...
И такая тревога... Такая тревога в груди...

Гулко и нервно гудят камыши,
В небе – на сером! – сквозная прореха.
Не разрешать тебе не разреши
Черной тоски и ненужного смеха.

Птицы... От птиц в проводах не искрит,
Нерв оголенный – как в камере пыток...
Сколько же было в судьбе Маргарит!..
Сколько осталось в душе маргариток?..

Все они слыibly, душа и дразня,
Вызвав любовью своей иллюзорной
Черную ночь среди белого дня,
Белый просвет среди роздыми черной...

Как всё закончилось!.. Как обожгло!..
Как о прошедшем завывли собаки!..
Черная птица встает на крыло,
А провода всё искрят в полумраке.

Навестил деревеньку в июле,
Побродил мимо брошенных хат.
Встретил хромую бабушку Юлю:
“Мрёт деревня... И кто виноват?..»

Постоял со старухой древней.
Деловито погладив жнивье,
Прочитал ей стихи про деревню –
Как тоскует вдали от неё.

Сел в машину... Она же, немяя,
Вслед глядела: «Матрёнина плоть!..
Жаль, что я так любить не умею –
До заката бы лук прополоть!..»

Недоброй вестью огорошена,
Под сенью сохнувших раakit,
Стоит изба, не огорожена,
Трубой закопченной дымит.

А рядом нет ни пыльной улочки,
Ни малвь цветущих, ни дымка.
Велосипед с погнутой втулочкой,
Ворот скрипучая тоска...

Лишь у колодца, тешась брызгами,
Черпнув ладонью из ведра,
Старуха в кофточке замыганной
В полубезумии мудра.

О чем она? О божьих правилах,
О том, что супчик не густой,
Что правнук шлёпанцы оставил ей –
Она в них ходит за водой.

Что солнце встало за скворешнею,
Что грязи в бочке – через край.
Что день промчит... И радость вешняя
Уйдет за старенький сарай.

Пройду... Кивнёт... На миг оглянется,
Вслед перекрестит: «В добрый путь!..
И что-то горькое останется,
Чтоб после в памяти мелькнуть.

Другое всё – земля и воды,
И эта колющая синь,
И эти мертвенные всходы,
И ложь надуманных святынь...

Бредешь, созвучиям внимая,
Вгрызаясь в черный небосвод,
Туда, где музыка другая
К другой бездонности зовёт.

Там, где пустошь, василькам не цвести.
Ты сказала: «Хоть трава не расти...»
И ушла, не оглянувшись... И вот
Третий год, как здесь трава не растет.

Было небо синевы голубей.
Ты сказала: «Не гоняй голубей...»
Только это и успела сказать...
Третий год здесь голубей не видеть.

Целовались, но остались на «Вы» ...
Третий год ни голубей, ни травы.
Только старая ветла, а над ней
Небеса, что синевы голубей.

Старый домик... Старый дом, отчий дом.
Третий год, как дом пустили на слом.
Третий год здесь ничего не цветет,
Третий год уже пошел, третий год...

MAME

Ты не мама, ты – мой ребенок...
Всё в минувшем – краса и статья.
Ты ласкала меня с пеленок,
Мне отныне тебя ласкать.

Отвечала мне раз за разом
На вопросы среди суеты.
У тебя нынче детский разум
И по-детски глаза чисты.

Повторяла: «Еще немножко
Скушай... После – еще отрежь...»
Ты кормила меня из ложки.
Мама, с ложечки суп доешь.

Хвори, шишки – всего хватало.
Взяв за ручку, вела к врачу.
Оступилась... Почти упала...
Дай, царапинку подлечу.

Тяжело на диван приляжешь,
Будем вместе мы ждать весны.
Мама, мама, ты мне расскажешь
Все свои молодые сны.

Помнишь, я прибежал спросонок,
Чтобы сон тебе рассказать?..
Я – твой сын, а ты – мой ребенок,
Я – твой Бог, а ты – божья мать...

И мы оба сегодня – дети.
Пусть метели ревут, слепя.
Пусть кончается все на свете,
Кроме истины и тебя.

Тропинка-тростинка вконец заплутала во ржи...
Скажи мне, росинка, рассветное небо, скажи,
Что станет с душою, когда вознесется, спеша?
Что станет со мною, когда вознесется душа?
Какие моления подхватят ее на лету,
Придет ли прозренье, что принял я за слепоту?
Закончатся разом – и тело, и дело, и плоть...
Закончится разом...Закончится даже Господь...
И сон не приснится – он тоже куда-то исчез...
И птица-синица. И руки любимой. И лес...
Лишь голос, звучащий чуть слышно в такую пору,
Мне молвит: «Пропащий... Я – голос... Я тоже умру.
Сменюсь тишиною, что время крадет не спеша.
Но буду с тобою, когда вознесется душа...»

В Турции, в Кемере, Где беспечно море,
Где подошвы лижет смиренная волна,
Где гортанный выкрик С истиной в раздоре,
Где на воле воля вовсе не вольна;
Отойди – забудут. Подойди – попросят,
Увлекись – обманут в несколько минут.
Где стаканы с хмелем ласково подносят:
“Пропили поездку?.. Русию пропьют...”
Что им боль Марины?.. Что им профиль Анны?..
Что им тихий шелест медленных страниц?
Что им в этом крике?.. Он же не гортанный...
Что им строки бледных истовых блудниц?..
Им бы только ложью полнились глазницы,
Им бы свой товарец втридорога сбить...
Три звезды на небе... Ни одной зарницы...
Выше минарета ничему не быть.*
Чай куплю для виду... Отойду в сторонку.
Нынче солнце ниже – дело к сентябрю.
Потреплю по щечке наглого турчонка,
И его сестрице мелочь подарю.
Та попросит взглядом: “Дай еще немножко...”
Улыбнется тихо... И шагнет назад,
В памяти оставив грязную ладошку...
Грязная ладошка... Чистые глаза...
После, на прощанье, мне рукой помашет,
Чтобы следом в спину с яростью взглянуть:
“Очин син халосий у твоей мамасы...”
В Турции. В Кемере. Солнце. Море. Жуть.

Женщина в белом... Худая... Уродина...
Взгляд вороватый погас.
-- Кто ты такая?.. Как звать тебя?
Родина – понял по холоду глаз.

Эх, над тобою дороженька Млечная,
Звезды слепы и рябы.
Сколько ты раз подставляла, сердечная,
Сына под ярость судьбы!

*По мусульманской традиции постройкики не могут быть выше стоящей неподалеку мечети

Сколько его уводила от вечного,
Всё повторяя: «Поверь!...»
Полунагого, больного, увечного
Ты не признаешь теперь.

Всё испытал, все дороженьки пройдены...
Кружится ржавая медь...
Только и может, что песню о Родине
Родине глухо пропеть...

Что-то скрипнет сверху...
Промелькнет суетливая галка,
И гусиное перышко
над головой проплывет.
Быстро август проходит...
Мне августа нынче не жалко –
Пусть скорее минуют
И август, и лето, и год...

Может, просто устал?..
И тоска забродила по венам...
Может, чуть не хватило
касания ласковых рук?..
Только вдруг обожгло?..
О мучительном и сокровенном
Вдруг захочешь кричать –
Неожиданно... Истово... Вдруг...

И слова не нужны--
Разве бренность опишешь словами?
Да и кто их услышит--
напрасные эти слова,
Если август-- на склоне,
Тяжелое солнце – над нами.
И о чем-то унылом
Прощально скрипят дерева?

Все труднее ступать—
И здоровье, и лето на склоне.
И всё чудится – прежде
был август слегка голубей...
Что останется?.. Горечь...
Да женские эти ладони...
Да пугливая птаха
На узкой ладони твоей....

Вслед за покоем приходит всегда непокой –
Затем, чтоб покой нам недолго покоем казался.
Ну, как же теперь мне к тебе прикоснуться рукой,
Когда я рукою к вселенскому злу прикасался?..

Уже заструилась с деревьев линия медь,
И тучи тяжелые бродят всё ниже и ниже...
Ну, как же посмею теперь на тебя поглядеть,
Когда я глядел на другую – светло и бесстыже?..

Глядел... И казалось, что это и есть благодать...
И снова глядел... И разлукою мучился снова.
Ну, как я посмею теперь тебе что-то сказать,
Когда повторял, что молчание – выше, чем слово?..

Крест-накрест зачеркнут вконец неудавшийся день,
А пульс всё морзнит, что лучшего мы и не стоим.
Луна оскудеет. И солнце взойдет набекрень
Над вечным покоем. Над призрачным вечным покоем.

Позабить обо всем, что в беспамятстве явью казалось,
Позабить обо всем, что царапало душу порой.
Я усталость гоню. Только снова приходит усталость...
И устало мерцает сквозь облако луч золотой.

Коченеет ладонь. О себе говорить не пристало...
Всё слежу, как на свечке колеблется узкий огонь.
То почти оживет... То внезапно поникнет устало.
А ладонь поднесешь – все равно коченеет ладонь.

Как болит синева!... И любимая нет, не со мною...
Эти полунамеки, где только печаль – наяву.
Синеву женских глаз неспроста нарекли синевой –
Синевой упиться... И снова нырнуть в синеву...

Только там, в синеве, заскоружными чувствами тая,
Понимаешь, как вольно пичуге в дали заревой...
По взъерошенной сини слезинка сползет золотая,
Чтобы в синь обратиться. И стать золотой синевой...

А когда закричит – На скрещенье любви и печали, --
Сероглазая птаха, безвольно смежая крыла,
Ты пройдешь стороной. И меня ты признаешь едва ли.
Но в душе отзовется, что боль стороною прошла...

Холодный день... Грачи в отлёте...
И только вороны кружат.
Да на оконном переплете
Туман развесистый распят.

Одни лишь смутные картины
Сознанию хмурому милы.
Там Бог – един, там всё едино –
Дыханья... Облики... Стволы...

Там у реки повадка лисья,
Там листьев дышащая прель.
И там капель бежит на листья –
На листья прелые... Капель...

Там всё запутано до срока,
И, как давно заведено,
Темным-темно... Но видит око ...
А видит око, что темно...